

Очередным событием в реконструкции творческого наследия Леонида Николаевича Андреева, русского писателя конца XIX – начала XX века, стал выход в свет IV тетради его дневников 1890-1907 гг. с комментариями. Текст *Дневника*, публикуемый впервые по автографам РГАЛИ, подготовлен старшими научными сотрудниками ИМЛИ РАН М.В. Козьменко и Л.В.Хачатурян при участии старшего научного сотрудника Орловского объединенного гослитмузея Тургенева Л.Д. Затуловской. В преамбуле к *Комментариям* содержатся сведения о принципах настоящего издания, источниках текста, владельцах оригинала и копии дневниковых записей Л.Н. Андреева обозначенного периода. Содержание IV тетради относится 1897-1907 годам, времени окончания учебы молодого Андреева в Московском университете, когда он стоял у истоков своей литературно-художественной деятельности, периоду

ДНЕВНИК ПО САМОМУ СУЩЕСТВУ СВОЕМУ - ТАЙНА...

Л.Н. Андреев

Дневник. 1897-1901 гг.

Составление, вступ. ст. и коммент. М. В. Козьменко.

Москва, ИМЛИ РАН, 2009, 296 с.

его влюбленности в орловчанку Надежду Антонову, а после ее замужества началу отношений с будущей женой Шурочкой Велигорской. Дневник велся регулярно с 27 марта по 30 декабря 1898 года, после этого писатель оставил лишь отдельные записи, датируемые 1899, 1900, 1903 и 1907 годами. В качестве дополнения к *Дневнику* в *Приложении* опубликован неизданный автобиографический материал 1889 года, названный самим писателем «Александра Михайловна Велигорская. Опыт характеристики»), посвященный его невесте и будущей жене, а также «Впечатления» - мысли писателя о пользе ученических журналов и вреде юношеских дневников. Издание, вышедшее под научной редакцией В. А. Келдыша, снабжено *вступительной статьей, научным комментарием, списками сокращений и иллюстраций, указателем имен и названий произведений*, выполненными М. В. Козьменко. Книга проиллюстрирована фотографиями из фонда Орловского Гослитмузея им. Тургенева, РАЛ и РГАЛИ.

Научный комментарий - важная составная часть настоящего издания, предусматривающая отбор комментируемых мест и аспектов комментирования, подчиненных

определенной цели. Для обоснования своего подхода к комментарию андреевского *Дневника* М. В. Козьменко предваряет публикацию текста вступительной статьей, представляющей собой особого рода исследование с констатацией фактов, с элементами полемики, выводами и прочими атрибутами научной статьи. Предпринятый в ней филологический анализ *Дневника* М.В. приводит Козьменко к выводу, что публикуемая тетрадь завершает цикл дневниковых записей писателя, которые он вел с 1890 года, и представляет собой вместе с ней единый целостный художественный текст, который определяется им как «дневник-роман», новаторская жанровая разновидность автобиографической прозы. Автор статьи выявляет характерные особенности данной дневниковой формы как принадлежащей к особому романному жанру, обнаруживая в ней все признаки художественного произведения. Не случайно, по наблюдению комментатора, Андреев то и дело рассуждает сам с собой по поводу его эстетических критериев. Дополнительным аргументом в пользу гипотезы М. В. Козьменко служит и приведенный им факт редактирования писателем своих дневниковых записей, а также уничтожения первых самых ранних тетрадей, которые он посчитал недостаточно оформленными. Речь идет о синкретическом жанре, в котором дневниковая документальность и дискретность сочетаются с романной сюжетикой, четко выраженной мотивной сферой (сфера любовных чувств) и устойчивой системой персонажей. Основываясь на материалах *Дневника*, М. В. Козьменко воссоздает облик его героинь – З.Н. Сибилевой, Е.Н. Хлудневой, Н.А. Антоновой, А.Н. Велигорской.

Что касается «образа автора», то, по убеждению исследователя, андреевский «роман –дневник» фиксирует не столько внешние события, сколько их *переживания в сознании автора-героя*. Тем самым он предваряет художественные открытия Андреева в области новеллистической техники, в частности использование углубленного психологического комментария, представляющего собой анализ самосознания героя, который М. В. Козьменко удачно определяет как «психохронику». Можно в связи с этим вспомнить, что именно Андреев станет открывателем нового театра «панпсихэ», ориентированного на познание и репрезентацию на сцене мира души. Таким образом, выясняется, что *Дневник* становится для Андреева не только стимулом к литературному творчеству, но и первой, самой ранней пробой пера.

В дневниковом повествовании, как показывает М. В. Козьменко, четко обозначен голос автора как «психохроникера», отделенный от автобиографического героя. Дневник – это второе «я» писателя, зеркало его души, возможность посмотреть на себя со стороны. М.В. Козьменко проводит своеобразную гипотетическую реконструкцию частей дневника как психологического романа писателя о самом себе, выделяя в нем смысловые части, соответствующие определенному хронотопу: гимназические годы, связанные с кризисом в отношениях с Сибилевой, место действия Орел с 12 марта 1890 по 17 августа 1891 г. (I том); развитие отношений с Сибилевой, место действия Орел-Санкт-Петербург с 3 сентября 1891- по 5 февраля 1893 (II том); сложные взаимоотношения Андреева, студента Московского университета, с

Н. Антоновой, место действия Москва-Орел с сентября 1893 по март 1897 (III том); развязка отношений с Н. Антоновой и первые годы ухаживания за А. Велигорской, место действия Москва и пригороды с 27 марта 1897 по 23 апреля 1901 (IV том). Что касается романного дискурса, то он выдержан в традиции серьезно-смехового и содержит иронические замечания автора по отношению к своему «детищу», которого любовно называет «другом-дневником»: «Где отыскать другого такого ж верного друга? И я люблю его, хоть часто смеюсь над ним. Люблю того «невидимого читателя, который глядит на меня сквозь строки. Для меня неважно, кто будет этот читатель: пусть даже Буренин. Сочувствие мне не нужно». Рассматривая IV тетрадь андреевского дневника – романа как художественное произведение, М. В. Козьменко ищет наиболее адекватные для него аспекты комментирования, связанные с традиционным для подобного рода текстов прояснением биографических фактов наряду с выявлением аллюзийного контекста в его религиозно-философской, исторической и социокультурной испостах. Это прежде всего текстологический, источниковедческий, историко-литературный и реальный комментарий. В комментариях содержатся сведения о семье, родственниках, круге знакомств писателя, реалиях окружающей его социокультурной среды, прояснена топонимика, найдены источники цитаций литературных и фольклорных текстов, воссозданы события из жизни писателя, связанные с его работой юристом, занятиями живописью и писательством, эпизоды частной жизни. О самих комментариях надо сказать, что они основательны, развернуты,

вполне исчерпывающи и глубоко научны, охватывая не только сведения, непосредственно относящиеся к тексту, но и смежные проблемы, прежде всего реконструкцию образа жизни писателя по воспоминаниям и дневникам его родных, знакомых и невесты, биографическим материалам, письмам и произведениям самого Андреева. Благодаря этому восполнены многочисленные пробелы в его биографии. Попутно проясняются автобиографические мотивы некоторых ранних рассказов писателя. Комментарии составлены М. В. Козьменко при содействии Р. Дэвиса (Русский Архив в Лидсе), Л.Д. Затуловской (Орловский объединенный гослитмузей И.С. Тургенева), Т.В. Котовой (РГБ) и М. А. Телятник (СПбГУКИ), что является дополнительной гарантией их аргументированности. Авторитетность используемых источников, не вызывает никаких сомнений. Надо сказать, что процент автобиографичности *Дневника* более высок по сравнению с другими художественными текстами Андреева. Поэтому нельзя не восхищаться той скупулесностью, с которой М. В. Козьменко прокомментированы мельчайшие текстологические подробности.

«Дневник – по существу своему – тайна», пишет Андреев, приоткрывая тем не менее завесу, скрывающую его сложный духовный мир в момент становления как творческой личности в расчете на гипотетического читателя. И этому намерению рецензируемое издание способствует в полной мере.

NATALIA ARSÉNTIEVA
Universidad de Granada